

Моя исповедь. Невероятная история рок-легенды из Judas Priest

Автор:

Роб Хэлфорд

Моя исповедь. Невероятная история рок-легенды из Judas Priest

Роб Хэлфорд

Боги метал-сцены

«Я придумал идеальное название для своих мемуаров: „Исповедь“. Как нельзя кстати. Потому что, поверьте мне, этот продажный „священник“ грешил, грешил и снова грешил, но теперь настало время исповедоваться... и может быть, даже получить ваше благословение».

Фронтмен легендарной группы Judas Priest Роб Хэлфорд родился в самом сердце промышленной Великобритании, в рабочей семье. Каждое утро его путь в школу проходил через черный смог и дым от чугунного завода. «Я всегда говорил, что почувствовал запах и вкус тяжелого металла еще до того, как изобрели эту музыку...», – шутит Хэлфорд с горькой усмешкой. Его автобиография – это гремучая смесь из оды мощи хэви-метала, непростых жизненных моментов и невозмутимой самоиронии. Это история жизни настоящей рок-звезды, в которой было все: алкоголь, наркотики, приводы в полицию, тайные сексуальные отношения и глубокая личная трагедия; клиника, реабилитация, признание в нетрадиционной ориентации, искупление... и обретение настоящей любви. Это признание от всего сердца, которое Хэлфорд решился рассказать всему миру.

Judas Priest – культовая британская хэви-метал-группа. Ее участники выпустили 20 альбомов (и продолжают активно гастролировать по миру), а сам Хэлфорд был награжден премией «Грэмми».

Содержит нецензурную лексику.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Роб Хэлфорд

Моя исповедь. Невероятная история рок-легенды из Judas Priest

Confess: The Autobiography

Rob Halford with Ian Gittins

© С. Ткачук, перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Вступительное слово от переводчика

Приветствую тебя, дорогой читатель!

Неважно, являешься ты поклонником хеви-метала или же у тебя просто возник интерес почитать очередную автобиографию музыканта – эта книга не оставит тебя равнодушным!

Новость о том, что мой любимый вокалист в хеви-метале, Роб Хэлфорд, выпустит автобиографию, я воспринял с большим энтузиазмом. Этот человек является для меня олицетворением тяжелого металла и одним из истинных первопроходцев жанра, голосом целого поколения. Сможете назвать еще хоть одного вокалиста с похожей манерой пения? Сомневаюсь.

Являясь в первую очередь преданным фанатом тяжелой музыки (уже 24 года) – а потом только профессиональным переводчиком, – я не мог упустить возможность взяться за перевод этой замечательной книги, потому что очень хорошо знаком с творчеством группы Judas Priest и испытываю огромное уважение к Робу Хэлфорду. Разумеется, такая книга должна быть у каждого уважающего себя металхеда, и наша страна не стала исключением. Далеко не все знают английский язык, но хотят прочесть про увлекательную жизнь одного из величайших фронтменов современности. Теперь же появилась такая возможность!

Книга будет интересна не только поклонникам творчества музыканта, но и тем, кого интересует жизнь Хэлфорда вне сцены, его переживания, борьба с демонами и искрометный британский юмор. Несмотря на то что в книге есть несколько пикантных и откровенных моментов, грязи вы здесь не найдете – Роб повествует в приятной дружеской манере. Ощущение, что сидишь с ним на кухне и за чашкой чая он рассказывает тебе о своей жизни. Искренне сопереживаешь ему, вместе с ним смеешься, грустишь, радуешься и плачешь – целая палитра чувств и эмоций. Слово смотришь многосерийный фильм о жизни человека.

Именно так я себя и ощущал, проведя за книгой несколько месяцев, периодически забывая про сон и мир вокруг, поскольку книга невероятно затягивает и оторваться действительно невозможно. Каждое слово и предложение я пропускал через себя и переживал вместе с Робом, поскольку знал, что перевод столь монументальной автобиографии не должен уступать оригиналу. В процессе работы я пересмотрел десятки интервью Роба, снова перечитал для полноты картины еще две книги про группу и старался мысленно присутствовать при всех описанных событиях.

Могу без преувеличения сказать, что это лучшая автобиография, которую я читал, а их наберется несколько десятков. Очень рад и выражаю огромную благодарность издательству, что книга попала в руки именно мне. За последние 10 лет я перевел около 3000 статей про различных музыкантов, группы и брал интервью для ведущих российских рок-журналов, поэтому опыт работы в этой тематике, безусловно, имеется, отчего перевод в конечном итоге только выигрывает.

У Хэлфорда получилась действительно откровенная биография, без прикрас. Лично мне очень понравилось минимальное описание процесса создания

альбомов, о чем можно почитать в сотнях рок-журналов и статей о группе.

Название «Моя исповедь», которое выбрал Роб, идеально описывает книгу – бог металла действительно исповедуется и выворачивает перед читателем душу наизнанку. Когда видишь его на сцене, кажется, что он – мировая рок-звезда огромной величины. Так и есть. Но, прочитав книгу, понимаешь, что Роб – обычный живой человек со своими переживаниями и израненной душой, который мало чем отличается от нас с вами Long.

live Judas Priest!

Станислав Ткачук,

переводчик и научный редактор книги

В своих мемуарах я предельно откровенен.

Это моя святая истина, но других

обнажать душу я просить не вправе.

Некоторые имена и детали в книге изменены,

Чтобы не почувствовал вину тот, кто виновен.

Вступление. Задыхаюсь!

Начало 1960-х. Будний день. На часах половина девятого утра. Пора в школу. Говорю маме: «Бывай» – и незаметно ускользаю на улицу. Выхожу через ворота, иду до конца улицы, поворачиваю налево на Дарвин-роуд. Прохожу немного вперед, направо, делаю глубокий вдох... и перехожу канал.

Со стороны канала стоял огромный литейный завод имени братьев Томас[1 - G. & R. Thomas Ltd. (Джордж и Ричард Томас – владельцы завода). Здесь и далее – прим. пер.], наминавший преисподнюю. Благодаря таким заводам Черная страна[2 - Район Центральной Англии (Уэст-Мидлендс), расположенный между городами Вулверхемптон и Бирмингем. В XIX веке это была область концентрации горнодобывающей и металлургической промышленности. Черная страна обязана своим названием загрязнению воздуха, которое покрыло всю область слоем черной сажи. Но после упадка пейзаж, сформировавшийся в результате промышленной революции, исчез.] в период промышленной революции получила свое название: ужасный, тошнотворный и вонючий свинарник, в котором проводили будни местные работяги из Уолсолла[3 - Уолсолл – город в Великобритании, расположенный к северо-востоку от Бирмингема и к востоку от Вулверхемптона.].

В годы моего детства он гудел, громыхал и сутками напролет источал зловещую вонь. Потребовалось бы слишком много времени и огромные затраты, чтобы остановить гигантские доменные печи, а утром запустить заново, поэтому завод никогда не прекращал свою работу. Отходы и токсины, которые он изрыгал, были просто невыносимыми.

Эти металлургические заводы оказали огромное влияние на обстановку в городе, где я жил, и на то, как я жил. В день стирки мама вывешивала наши белоснежные простыни на веревку, а заносила испачканными серо-черной сажой и копотью. Я сидел и писал за школьной партой, которая вибрировала под ритмы гигантского парового гладильного пресса на заводе, расположенном через дорогу:

БУМ! БУМ! БУМ!

Иногда по дороге в школу я видел силуэты местных работяг, выливающих содержимое гигантских доменных печей из котла в бункер для песка. Расплавленный металл вытекал, словно лава, и тут же затвердевал, превращаясь в огромные слитки чугуна.

Чугун. Какое мерзкое и безобразное слово!

Ежедневный путь в школу был настоящим испытанием на выносливость, и я не всегда был уверен, что выживу. Удушающая гарь, которая клубилась вокруг завода и над каналом, была ужасно токсичной. Если ветер дул не в том направлении – а казалось, так всегда и было, – мелкие песчинки, попавшие в смог, летели прямо в глаза и оставались там несколько дней. Боль была невыносимой.

Я всегда говорил, что почувствовал запах и вкус тяжелого металла еще до того, как изобрели эту музыку...

В общем, я делал глубокий вдох, прижимал к себе портфель и как можно быстрее пробегал через мост. В дни, когда смог с примесью гари был настолько густым, что казалось, его можно разрезать, мозг охватывала паника, и он бунтовал против сурового испытания:

«Я задыхаюсь!»

Но я почему-то ни разу не задохнулся и всегда перебежал на другую сторону, даже если кашлял и захлебывался гарью. Затем, когда шел домой после обеда, предстояло сделать то же самое еще раз. Я привык. Такой была жизнь в Черной стране...

За жизнь было немало ситуаций, когда я чувствовал, что задыхаюсь. Годы клаустрофобии, отчаянья – долгие годы! – когда я чувствовал себя в заточении: я – вокалист одной из величайших хеви-метал-групп на планете, но все же слишком боялся признаться миру в том, что я – гей. Лежал всю ночь, не смыкая глаз, беспокоясь и мучаясь вопросом:

А что бы случилось, если бы я признался?

Все наши фанаты отвернулись бы от нас?

Judas Priest настал бы конец?

Страх и тревога чуть не довели меня до ручки. Было тяжело дышать, когда я погряз в этой помойной яме алкоголизма и наркозависимости. Было тяжело дышать, когда я разрывался между отношениями с двумя мужчинами, которые оказались натуралами. Но самый тяжелый день был, когда мой многострадальный парень обнял меня на прощание... а через несколько минут после моего ухода поднес пистолет к виску. И нажал на спусковой крючок.

Когда задыхаешься, можно закончить именно так, если наплевать на себя, а я был на грани: деструктивный образ жизни чуть не угробил меня. Я даже пытался покончить с собой. Но выжил. Увидел свет в конце тоннеля. Сделал глубокий вдох и перебежал этот мост через канал.

Сегодня я чист, трезв, влюблен, счастлив... и мне неведом страх. Я честен перед самим собой, а это значит, что ничто и никто не сможет сделать мне больно. Я напоминаю себе рок-версию своего очень загадочного кумира детства: Квентина Криспа (он появится в книге позже). Я – величавый гомик хеви-метала.

Я придумал идеальное название для своих мемуаров: «Моя исповедь». Как нельзя кстати. Потому что, поверьте мне, этот продажный «священник» грешил, грешил и снова грешил, но теперь настало время исповедоваться... и может быть, даже получить ваше благословение.

Так давайте же помолимся.

Исповедь – это история о том, как я снова научился дышать.

1. Лети, мой корабль...

Жили мы в доме на Бичдэйл Эстейт[4 - Первоначальное название – Джипси-Лейн Эстейт. Район жилой застройки, заселенный преимущественно в 1950-е и 1960-е годы.].

И там было хорошо.

После Второй мировой войны британцы оплатили Уинстону Черчиллю за его старания, дав пендаль под зад и выбрав правительство лейбористов. И власти быстренько разработали масштабную социалистическую программу по постройке сотни тысяч новых государственных домов, чтобы компенсировать послевоенную нехватку жилья.

Под руководством премьер-министра Клементы Эттли и министра здравоохранения Эньюрина Бивена по всей стране начали появляться районы массовой застройки, чтобы заменить разрушенные во время войны дома и обеспечить британские семьи рабочего класса хоть каким-то жильем. И самой типичной застройкой был район Джипси-Лейн Эстейт в Уолсолле, который вскоре переименовали в Бичдэйл.

Бичдэйл был построен в пятнадцати минутах ходьбы от центра Уолсолла и 16 километрах к северу от Бирмингема. Этот новый залитый светом район в начале 1950-х находился на заброшенной промышленной территории. Первые двадцать лет жизни место это было для меня суровым испытанием; средоточием моего мира, надежд, мечтаний, страхов, триумфов и провалов. Но, как это ни странно, родился я не там.

После того как в марте 1950-го мои родители, Джоан и Барри Хэлфорд, поженились, они жили с родителями мамы в Бёрчиллс, Уолсолл. Это был крошечный домик, и когда мама забеременела мной, они с моим отцом перебрались к ее сестре Глэдис. Глэдис с мужем Джеком жили в Саттон-Колдфилде, по дороге в Брум (как называют Бирмингем жители Черной страны).

Я родился 25 августа 1951 года, и меня нарекли Робертом Джоном Артуром Хэлфордом. Имя Артур передавалось в нашей семье по наследству: это было отчество отца и имя деда (отчество у деда было – Флэйвел; рад, что не унаследовал его!).

Сестренка Сью родилась на год позже, и родителям дали муниципальное жилье на Личфилд-роуд в Уолсолле. Затем, в 1953-м, семья переехала на Кевин-роуд, 38, в дом на Бичдэйл Эстейт.

Крепкие, из красного кирпича дома рядовой застройки и сдвоенные дома были самыми обычными, какими и должны быть британские муниципальные жилые дома, но, как и во многих жилых помещениях эры Бивена, в них присутствовал

некий идеализм. Они были больше минимального размера, положенного по государственному законодательству, и рядом даже был свой палисадник и задний дворик.

Управа Уолсолла, несомненно, предусматривала, чтобы рядом с домами были милые лужайки и декоративные сады... но на деле все было не так. В послевоенные годы всё еще жили по карточкам, поэтому семьи из Бичдэйла свободное место возле дома отводили под небольшой огород, где выращивали картофель и другие овощи. Фактически ты выходил из дома и сразу оказывался на грядках.

До сих пор помню планировку дома на Келвин-роуд, 38. Гостиная, кухня, а внизу – крошечная каморка. На втором этаже – туалет, крошечная ванная комната, комната родителей, кладовая и комната, в которой жили мы с сестренкой Сью. Моя кровать стояла возле окна.

Бичдэйл был добрососедским, и здесь чувствовался дух коллективизма. Все постоянно ходили друг к другу в гости. Некоторые жильцы считали наш район суровым, но я так не думал. Мама[5 - Большинство британцев пишут «Mum», но мы с сестрой всегда писали «Mom», потому что именно так и произносили. И каждый раз на День матери в Уолсолле было чертовски сложно найти открытки, где слово «мама» было написано именно так. – Прим. авт.] запрещала ходить на некоторые улицы: «Делайте что угодно, но только не ходите туда!» – но максимум, кого я мог увидеть – это несколько замшелых старых чудаков в садах. До Горбалс[6 - Район в городе Глазго, Шотландия, на южном берегу реки Клайд. К концу XIX века он стал густонаселенным, сельские мигранты и иммигранты были привлечены новыми отраслями промышленности и возможностями трудоустройства в Глазго. Считался опасным.] было далеко.

Как и все работяги Черной страны, мой отец вкалывал на сталелитейном заводе. Начиная инженером в фирме Helliwells по изготовлению самолетных запчастей, которые находились на ныне не существующем уолсоллском аэродроме.

Работа отцу нравилась, поскольку он всегда испытывал страсть к самолетам. Он числился в запасе королевских ВВС (военно-воздушных сил), и, когда настало время отдать долг родине, он стремился к тому, чтобы его призвали в военно-воздушный флот. Вместо этого его отправили в армию, и Вторую мировую войну он провел на равнине Солсбери.

Страсть отца к самолетам передалась и мне, и мы вместе собирали модельки самолетов Airfix – бомбардировщиков «Летающая крепость», истребителей «Вулкан» и «Ураган». Он забирал меня на аэродром, и я наблюдал, как взлетают планеры, и пару раз мы ездили в лондонский аэропорт Хитроу – смотреть, как взлетают самолеты. Было здорово.

После Helliwells отец устроился на завод по производству стальных труб. Один из его коллег ушел и открыл свою компанию «Трубоотрезные станки», и отец пришел к нему. Он оставил производство и стал закупщиком, и мы перестали выращивать картошку в саду. Вместо этого мы получили чудесную лужайку с тропинкой. Еще купили машину. Это было особенное чувство. Пусть это был всего лишь «Форд Префект», ничего крутого и напыщенного, но было ощущение, что мы повысили свой статус. Кататься на машине мне нравилось гораздо больше, чем трястись в автобусе.

Когда мы с сестрой были совсем детьми, мама, как и многие женщины того времени, не работала, весь день убиралась и содержала дом в идеальном порядке и чистоте. Она глубоко верила, что «чистота – залог здоровья». В любое время дня и ночи наш дом выглядел, как выставочный зал.

У нас была печка с углем, и мама вечно капала на мозги одному из наших дальних родственников, Джеку, когда тот привозил огромный мешок угля. Я наблюдал в окно, как он поднимает мешок с грузовика и, весь в саже, заходит к нам на участок, проходит мимо отцовского мотоцикла и бросает уголь в сарай.

– Харош те пылить, Джек! – ругалась на него мама.

– Это уголь, детка! – смеялся в ответ Джек. – А ты че ожидала?

Будущее явилось в наш дом в виде кипятильника. Чтобы сэкономить деньги, мама разрешала опускать его только на пятнадцать минут перед принятием ванны, и мы сидели в слегка теплой воде глубиной не больше трех сантиметров. А если мы забывали оплатить счетчики, могли и свет отключить.

Родители опускали монетки в специальный приемник в щитке, который стоял в гостиной. Он был настолько холодным, что мама ставила туда холодец схватиться. Приходил инспектор, забирал оплату, и оставалось пять-шесть пенсов. И если повезет, мама давала нам с сестрой парочку монет.

Зимними ночами дом на Келвин-роуд, 38, напоминал Сибирь. Я укутывался в одеяло и видел, как снаружи леденеет окно. На полу в нашей комнате лежал линолеум. Чтобы сходить ночью в туалет, приходилось пробегать по ледяному полу.

Сам туалет был крошечным, и места хватало, лишь чтобы сесть на толчок, а коленями приходилось упираться в стены. Отец дымил как паровоз и мог на час засесть в туалете с газетой и попыхивать.

Когда он шел в туалет, мама его предупреждала: «Эй! Окно открыть не забудь!» Но зимой он никогда его не открывал. Папа выходил, и приходилось ждать минут пять, пока рассеется дым. И не только.

Каждый вечер пятницы отец клал на стол получку, и всеми финансами распоряжалась мама. Еда была самой обычной: мясо с овощами, рыба с картошкой фри из местного магазинчика или фургончика, который каждую пятницу разъезжал по району, и вкусный местный деликатес – педики[7 - Для всех американских геев: да, в Англии действительно есть такое блюдо из фрикаделек – педики с горохом! – Прим. авт.] с горохом.

Настало время первый раз идти в школу. В первый день мне было очень страшно идти в начальную школу Бичдэйла. Я держал маму за руку, пока мы продирались через грязь – район еще достраивался. Школа была всего через две улицы от дома, но казалось, что до нее километров 160.

Ужас, ужас! Когда мы пришли туда и мама обняла меня на детской площадке, сказав мне это непонятное местное: «Ну, бывай, Роб!» – и ушла... я испугался и запаниковал. Меня бросили! Я выл и ревел.

Первые несколько дней в школе были тревожными, но затем я подружился с роскошной учительницей, которая, как мне казалось в пять лет, выглядела точно кинозвезда. Каждое утро я хватался за ее юбку. Если эта женщина здесь, школы можно не бояться!

Учительница была моим ангелом и спасением. Как же жаль, что я не помню ее имени! На самом деле я мало что помню из начальной школы, помимо того первого ужасного впечатления – и сильной боли во время рождественской

пьесы.

Когда наступило Рождество, я был одним из Трех Королей. До сих пор помню свои слова: «Мы узрели его звезду на востоке!» Проблема была в том, что мне, как и подобает всем хорошим королям, пришлось надеть корону.

Корона была из картона, а зажим сзади больно впивался в голову. Как только учительница надела мне на голову корону, было ощущение, будто булавка буравит мне в черепе дырку. Я постоянно двигал корону, и учительницу это жутко раздражало:

– Роберт Хэлфорд, перестань двигать корону!

– Но, мисс, мне же больно! Ай!

– Сейчас перестанет!

Не перестало. И на протяжении всего нашего детского спектакля про чудо рождения Господа нашего Христа эта чертова булавка впивалась мне в череп, пока не начала раскалываться голова.

Родителей мамы я никогда не видел, поскольку они умерли, когда я был еще ребенком, но я обожал предков отца, Артура и Сисси, и часто пропадал у них на выходных – они жили в трех километрах от нас. Отец привозил меня в пятницу вечером, а в воскресенье после обеда забирал домой.

Туалет у них был на улице, поэтому ходить ночью в их доме было еще хуже, чем у нас. Я психологически настраивался, чтобы открыть дверь в кухню и быстро прошмыгнуть в темноте в их маленький кирпичный домик на заднем дворе. Зимой сиденье туалета было настолько холодным, что мне казалось, будто я к нему примерз.

Да и в пользу туалетной бумаги дед не сильно верил «Нечего деньги тратить! – говорил он. – Газета ничем не хуже! На войне как-то ведь выжили!» И я сидел в семь лет в этом саду в крошечной тьме, стуча зубами, и подтирался местной газетенкой.

Бабушка с дедом баловали меня замечательными историями. Рассказывали, как во время войны бежали в бомбоубежище, смотря, как нацистские бомбардировщики бороздят ночное небо на пути к городку Ковентри, который собирались разрушить. До сих пор помню их похожие на лотерейные билеты оранжево-коричневые картонные карточки на молоко и сахар.

Дедушка воевал в Первой мировой войне в битве на Сомме, но, как и большинство тех, кто пережил ужас войны, никогда об этом не рассказывал. Однажды я шарил у них по дому и наткнулся на удивительное открытие.

Бабушка придумала, как сделать мне небольшую кроватку у них в комнате: сдвигала два стула и клала на них несколько подушек. Это была самая комфортная кровать в мире. Рядом находился небольшой чулан, завешенный шторой, и однажды я отдернул ее и обнаружил сундук.

Меня разбирало любопытство, и я открыл сундук... Он был набит различными реликвиями Второй мировой. Там был пистолет Люгера, противогаз и куча значков с немецкой униформы. Но больше всего меня поразил настоящий старый шлем генерала Герберта Китченера с острием на макушке.

Я надел шлем и поспешил найти бабушку с дедом. Маленькая голова болталась под тяжестью шлема. «Дедушка, что это?» – спросил я. Увидев меня, он разозлился и с криком велел снять... Но дед с бабушкой были очень отходчивыми.

В любом случае мне все больше и больше хотелось проводить выходные с ними – потому что дома мама с папой грызлись как собаки.

В присутствии нас они никогда не ругались, но, когда мы с сестрой ложились спать, родители начинали выяснять отношения. Кричали и не щадили друг друга. Мы с сестрой не знали, из-за чего весь скандал, и, лежа в кровати, слушали и вздрагивали.

Начинались выяснения отношений, голоса становились все громче – и иногда отец поднимал на маму руку. Не часто, но мы слышали крики и ПОЩЕЧИНУ! Мама плакала. Нет в мире звука ужаснее, когда ты еще совсем ребенок.

Время от времени они кричали друг на друга и угрожали уходом. В один прекрасный день отец так и сделал. Мы с сестрой сидели в гостиной, и на кухне началась ссора. Мы слышали, как папа кричит: «С меня довольно – я ухожу!»

Отец побежал на второй этаж, собрал чемодан, вышел и захлопнул за собой дверь. Раскрыв рот, я глазел из окна, как он постепенно исчезает в сумраке, и думал, что сердце мое разбито: «Он ушел! Папа ушел! Никогда больше его не увижу!»

Он дошел до конца улицы и вернулся. Но те несколько секунд я думал, что мир рухнул... и лишь став взрослым, я полностью осознал, насколько глубокий отпечаток оставили во мне бесконечные ссоры родителей.

Однако «Исповедь» – это не грустные мемуары. Напротив! Ссоры родителей оказали на меня огромное влияние, но, когда мы с сестрой подросли, все забылось. Родители любили нас и заботились, и я бы не посмел сказать, что у меня было трудное и несчастливое детство.

Мама была очень спокойной и уравновешенной женщиной, стеной, которая нужна каждому ребенку. Когда мы проводили время всей семьей, я практически ни разу не видел, как она выходит из себя... кроме того дня, когда мы пошли на реслинг.

Я все еще был ребенком, но помню, будто это случилось вчера. Мы приехали в Дом культуры Уолсолла и достали классные места, возле ринга Сели, начался первый бой, и у мамы сдали нервы.

Один из реслеров применил подлый прием, и мама тут же вскочила и принялась орать на этого парня: «Ты, мерзкий обманщик, так делать запрещено! Реф! Реф! Дисквалифицируй его!» Мама была вне себя от ярости. Я еще никогда не видел ее такой!

Я был ошарашен, да и отец сгорал от стыда «Сядь, женщина! – шипел он на маму. – Ты нас позоришь!»

Мама села, но кипела от негодования: «Да его за такое с ринга надо вышвырнуть!»

Она не закончила. Этот злодей на ринге применил еще один подлый прием, и мама вскочила и побежала к рингу, словно под ногами горела земля. Она принялась колошматить бойца сумочкой, свешиваясь через канаты. Бух!

До сих пор помню выражение папиного лица. Больше семья Хэлфордов никогда не ходила на реслинг.

Я любил ездить в город. Мне нравилась суэта Уолсолла. Мы с мамой и Сью садились на троллейбус возле паба «Трое в лодке»[8 - Паб назван в честь знаменитого сына Уолсолла, Джерома К. Джерома, автора сатирической повести «Трое в лодке, не считая собаки». – Прим. авт.] и ехали на рынок, который находился на холме возле церкви Святого Матфея.

Мы с сестрой побирались на главной улице, Парк-стрит, чтобы наскрести на супермаркет и побаловать себя сладостями. Однажды в магазине я не на шутку запаниковал. Объявили, что магазин закрывается, и я чуть с катушек не слетел.

«Мам! – кричал я. – Мы должны выбираться! Скорее! Они закрываются!» Я был до ужаса напуган, представив, как на ночь закрывается супермаркет. А потом подумал: «О, подожди-ка, так здесь же полно вкуснейших конфет! На такое я согласен...»

Иногда утром по выходным мама отвозила нас с сестрой на мультики в местный кинотеатр «Савой». Мы смотрели фильмы и «Малыша Сиско». Ничего не было слышно – вокруг носилась детвора и устраивала настоящий бедлам, заправившись детской газировкой.

В 1957 году в Уолсолл пожаловала королева. Я поехал посмотреть на нее в местный городской парк и живописное место, в Дендрарий. Меня переполняли эмоции: «Это же сама королева! Из телика!» На ней было очень яркое пальто. Когда она помахала толпе, я представлял, что она машет только мне.

Позже я узнал, что в Уолсолле королеве изготавливают седла, и я стал гордиться собой еще больше. Уолсолл известен кожевенной промышленностью; однажды мы со школой ездили на кожгалантерейную фабрику, я и увидел, как

изготавливают кожаные цепи, хлысты и заклепки. Поездка действительно запала в душу, поскольку, спустя 60 лет, я до сих пор все это ношу. Ведь если вдуматься, эти мемуары вполне можно было назвать «Кожаные цепи, хлысты и заклепки»!

На Рождество Уолсолл превращался в сказку, людные улицы покрывались снегом. Мужик, похожий на бомжа, нелегально продавал горячую картошку с жареными каштанами. Руки у него были черные от печи, но меня это не смущало: «Мам, можно мне картошечку, пожалуйста?»

Мужик протягивал мне в клочке газеты картошку, слегка посыпанную солью. Картошка казалась очень необычной, а на вкус напоминала икру – только я понятия не имел, какой вкус у икры! Честно говоря, до сих пор не знаю.

Мальчишеское Рождество было каждый раз одинаковым. Всю ночь я лежал в кровати не смыкая глаз, и мне не терпелось дождаться восьми утра, чтобы распаковать подарки. Мне дарили несколько коробок конфет – «Кит-Кат», фруктовую пастилу, глазированные шоколадные конфеты «Смартис», – и так проходил весь день:

– Мам, можно мне «Кит-Кат»?

– Нет, я запекаю индейку! Испортишь аппетит перед ужином!

– Ну маааам! А можно тогда шоколадную конфетку?

– Да, возьми, только одну!

– Спасибо, мам!

Спустя десять минут:

– Мам, можно мне «Кит-Кат»?

И так продолжалось снова и снова, пока по телевизору не начинала выступать королева, а потом я продолжал клянчить...

Однажды папа вручил мне очень классный подарок. Это был небольшой паровозик с топкой, куда заливался метиловый спирт, а потом его надо было поджечь. Фиолетовое пламя попадало в небольшой котелок, куда потом заливалась вода, и колеса начинали вращаться. Чудо инженерной мысли.

В 1958 году я перешел в младшую школу Бичдэйла, прямо по соседству с малышами. Уроки стали гораздо интереснее, и пришлось научиться писать... перьевой ручкой! Да, было и такое.

Научившись читать, я не на шутку увлекся комиксами. Каждую неделю мне привозили «Бино» и «Дэнди». Их просовывали в дверь прямо перед моим уходом в школу, и все утро я сидел в классе и страдал – не мог дождаться обеда, чтобы вернуться домой и засесть за комиксы.

Мне нравились рассказы в картинках – Грозный Деннис, Кот Корки, Дерзкая Минни, – но сомневаюсь, что они несли добрый посыл. Помню, персонаж Бино, Мелкая Слива, говорил: «Я курить трубка миру», и британские дети росли и думали, что коренные американцы действительно так разговаривают!

Ну, в 1950-е в Британии было не до политкорректности. В доме у бабушки с дедом была металлическая копилка в виде губастого негра. Кладешь ему в руку старый крупный пенни, нажимаешь на плечо, и рука поднимается и забрасывает монету в рот. Знаете, как называется эта чудесная игрушка? «Черный Самбо».

Сегодня бы такое не прокатило...

Мне нравился телик, и в обед после уроков я летел домой, чтобы посмотреть детские передачи. Нравился черно-белый анимационный сериал Джерри и Сильвии Андерсон «Приключения Твизла» – о мальчике с длинными руками и ногами. У «Фитилька – лампового паренька» на голове была лампочка. «Четыре пера» был о шерифе с волшебным пистолетом и говорящей лошастью.

Когда Андерсоны стали придумывать более современное кино, они выпустили сериалы «Метеор XL5», «Стингрей» и «Тандербёрды». Мне все они нравились, а еще передачи вроде «Ослика Маффина» – элегантная женщина сидит за пианино и поет серенады танцующему игрушечному ослику – и «Деревяшки», про дурацкую семейку марионеток.

Поэтому в конце 1950-х я был обычным ребенком и делал то же, что и другие дети... А потом произошло нечто странное. Это ведь называют озарением, да? Когда чувствуешь, что жизнь – и судьба – приобретает смысл?

Случилось именно так.

Я был в школе на уроке музыки, и учительница набирала детей в школьный хор. Сидела перед нами, играла на фортепиано, а мы с ребятами должны были по очереди вставать и петь.

Учительница играла шотландскую колыбельную о красавчике принце Чарли под названием «Песня о корабле, идущем на остров Скай». Я знал эту песню, потому что мы уже пели ее в классе, и когда настала моя очередь, я подошел к учительнице и спел:

Лети, мой корабль, как, взмахнув крылом,

Уносится чайка вдаль!

Неси рожденного быть королем

За море – на остров Скай.

Песня мне нравилась, поэтому я спел от души. Учительница сидела за фортепиано и пристально посмотрела на меня. Поначалу ничего не сказала, а потом выдала:

– Спой-ка для нас еще разок.

– Да, мисс.

Она повернулась к классу и сказала: «Отложите все ваши дела, помолчите и послушайте Роберта!»

Я не совсем понимал, что происходит, но она сыграла песню еще раз, и я снова постарался. И в этот раз в конце случилось нечто странное: весь класс вдруг начал мне аплодировать.

«Пойдем со мной», – обратилась ко мне учительница и отвела в соседний класс. Мы вошли, она сказала что-то своей коллеге, а та кивнула.

«Класс, я хочу, чтобы вы послушали, как Роберт поет эту песню», – сказала она.

Теперь я СОВСЕМ ничего не понимал.

Я снова спел песенку про корабль – на этот раз а капелла, без музыки. После чего мне стал аплодировать и этот класс. Я стоял, смотрел на детей и наслаждался аплодисментами.

Мне чертовски понравилось!

Знаю, каждому ребенку приятно, когда его любят, и он жаждет внимания, но для меня это было гораздо больше. Стоя там, я впервые подумал: «Пожалуй, именно этим я и хочу заниматься!» Замечательное было чувство, и, возможно, я не шучу, говоря, что в тот день началась моя карьера в шоу-бизнесе. Ведь во многом так и было.

В конце младшей школы я сдавал экзамен «11+»[9 - Экзамен «11+», «Одиннадцать плюс» – экзамен, сдаваемый некоторыми учениками в Англии и Северной Ирландии по окончании начальной школы, который позволяет выбрать учреждение для продолжения образования. Название испытания связано с возрастной группой детей, которые его сдают, – 11-12 лет.], который показывал, достаточно ли ты мозговит и можешь ли пойти в гимназию[10 - В Великобритании – средняя школа, окончание которой дает право на поступление в университет.] или же тебя запихнут в общеобразовательную школу. Я успешно сдал экзамен, но не хотел уходить от друзей, поэтому в гимназию идти отказался.

В любом случае голова к тому времени была забита совсем другим.

Потому что, приближаясь к пубертатному периоду, я стал осознавать, что совсем не такой, как остальные мальчишки.

2. Протяни друзьям руку помощи

Уже к десяти годам я знал, что я – гей.

Ну, вероятно, не совсем так. В том возрасте я еще не знал такого слова. Но понимал, что в компании мальчиков мне нравилось больше, чем с девочками, и мальчики меня привлекали.

Впервые я об этом догадался еще в младшей школе Бичдэйла, когда не на шутку втрескался в паренька по имени Стивен. Меня к нему сильно тянуло, и я хотел все время быть рядом. Ходил за ним по детской площадке на переменах и пытался поиграть.

Сомневаюсь, что Стивен обратил на это внимание, а если и обратил, то решил, что я немного дотошный паренек. Он, наверное, как и я, не догадывался, что происходит, но от переизбытка гормонов при виде его мое юное сердечко стало биться чаще.

К счастью, к Стиву я вскоре остыл, что у детишек, еще не достигших половой зрелости, всегда и случается, и настало время пойти в старшую школу. Я перешел из младшей школы Бичдэйла в школу Ричарда К. Томаса, большую старую среднюю общеобразовательную школу в соседнем городишке Блоксвиче.

Каждое утро я надевал серые брюки, блейзер и голубой галстук в золотую полоску, хватал портфель и двадцать минут шел до школы. Пробежав, заткнув нос, мимо завода, я забегал в булочную, где за полпенса покупал свежеиспеченную булочку. Начинку съедал, а тесто оставлял на потом.

Каждый день я шел в школу пешком, даже если лил дождь и дул шквалистый ветер. Весь класс приходил насквозь промокший, и на утреннем сборе над головой клубился пар, а наша одежда сушилась после ливня. По крайней мере, всем нам полагалась бесплатная бутылочка молока.

В новой школе я освоился быстро. Несмотря на ранние проблески полового замешательства, я выросел и был уверенным в себе мальчишкой. Меня окружали классные друзья, и я не был ни робким, ни шумным. Обычный паренек из Уолсолла.

Учился нормально Любимым предметом была литература Англии, и мне нравились поэты вроде Уильяма Батлера Йейтса. Нравились уроки музыки, и с географией проблем не было. Я искренне верю в судьбу, ведь всё не просто так: я всю жизнь посвятил сочинению текстов, исполнению музыки и путешествиям!

Еще я преуспевал в черчении, хотя сам предмет меня совершенно не интересовал Скорее, даже немного пугал Все, что было связано с инженерством, напоминало жуткие сталелитейные заводы – и, при всем уважении к отцу, который провел на заводе всю жизнь, я не хотел той же участи. Я еще понятия не имел, чем хочу заниматься Но точно не этим.

Также я впервые побывал за границей. Когда мне было лет тринадцать, мы со школой поехали на выходные в Бельгию. Отправились в город Остенде и расселились по комнатам общежития в хостеле недалеко от пляжа.

Поездка за границу казалась настоящим приключением и важным событием. Я был поражен тем, насколько там все другое: еда, машины, одежда, люди и, разумеется, язык. Все это, вплоть до льняной скатерти в ресторане отеля, казалось более продуманным и современным, нежели в Уолсолле.

Моим лучшим школьным другом был парень из Бичдэйла по имени Тони. Мы смеялись над одними и теми же шутками. Шли домой и цитировали сценки из «Дерека и Клайва», исполняемые Питером Куком и Дадли Муром, или придумывали свои. Очень грубые, что, разумеется, всегда привлекает юношей.

А еще юношей, конечно же, бесконечно привлекает и интересуется секс – и постепенно он занял центральное место в моей жизни. Все началось с того, что меня научили дрочить.

Моим инструктором был паренек на пару лет старше, живший неподалеку в Бичдэйле. Однажды в выходной я зависал в районе со школьными друзьями, и вдруг к нам подошел этот парень.

– Хотите научиться делать кое-что классное? – спросил он нас.

– Да! Давай! Звучит интересно!

– Отлично. Пойдемте со мной!

Мы пошли к нему домой, и он отвел нас в комнату на нижнем этаже, закрыл дверь... и достал член. «Короче, надо вот так, – сказал он. – Де?ржите его вот так». Он стал натирать член, вверх-вниз, все сильнее. «Если делать быстрее – будет приятно», – добавил он, слегка покраснев. Я не знал, как на это реагировать, но двое моих приятелей опустили брюки и начали повторять за ним, и я решил не отставать. Поначалу смущался – да любой бы на моем месте смущался! – но потом вошел во вкус, и оказалось, что парень прав: если дергать быстрее, действительно испытываешь удовольствие!

Возможно, паренек был начинающим извращенцем, но нас не трогал и не говорил: «Давайте я вам подержу»; он просто взял на себя смелость научить нас древнему, не столь благородному искусству мастурбации. И открыл мне целый мир удовольствия.

С тех пор я дрочил регулярно. Дома меня вышвырнули из комнаты, в которой я жил с сестрой Сью. Это была идея Сью, потому что она хотела больше свободного пространства и уединения, но я был не прочь переехать в небольшую каморку. Прежде всего дрочить стало гораздо легче.

Я «гонял лысого» при любой представившейся возможности, и в школе было то же самое. Встречался с ребятами из Бичдэйла, которых, как и меня, научили мастурбировать... и мы друг другу дрочили.

У нас был замечательный тайничок. Учился я по-прежнему хорошо, и меня назначили школьным библиотекарем. Мне это нравилось, и я каждый день ходил в киоск, забирал газеты и относил в библиотеку.

Но больше всего радовало, что к библиотеке примыкала небольшая фанерная пристройка, где работали над десятичной классификацией Дьюи[11 - Система классификации книг, разработанная в XIX веке американским библиотекарем Мелвиллом Дьюи.]. Там нас никто не мог найти – во всяком случае, мы так думали, – поэтому можно было без проблем забежать и «спустить», доставив друг другу удовольствие, когда было такое настроение. То есть... всегда.

Однажды после обеда мы с хорошим другом по имени Пит Хиггс пошли в эту комнатку. Все было как обычно: сначала мы усердно работали над проектом

по английскому языку; а через минуту уже друг другу драчились.

Мы с Питом катались по столу, одежда была наперекосяк, а брюки спущены до лодыжек, и тут я взглянул на закрытую дверь. На ней была тонкая стеклянная полоска, которую раньше я никогда не замечал, – и я увидел перекошенное от шока лицо учителя по английскому языку.

Черт!

«Спускайся!» – шикнул я Питу, и мы спрятались под стол. Сидели, сгорбившись, а сердце стучало, как паровой молот на заводе через дорогу.

Учитель не вошел, но у меня чуть сердце не выскочило.

Ох, бя!

А вот это уже хреново. Я был уверен, что без последствий не обойдется. Следующие пару дней ничего не произошло, но я до ужаса боялся идти на урок по английскому. Все прошло нормально, но, когда прозвенел звонок и мы собирались выходить из класса, учитель нас подозвал.

«Хэлфорд, Хиггс! Задержитесь!»

Он подозвал нас к себе, и мы медленно поплелись к учительскому столу.

«Руки из карманов!»

Мы показали ему руки.

«Вы же знаете, для чего они вам, верно?»

Пит посмотрел на меня. Я – на него. Мы посмотрели на учителя.

«Да, сэр», – сказал я, кивнув.

Он хорошенько врезал нам розгами. Три хлестких удара по каждой руке. Всего шесть.

– Чтобы я больше никогда не видел этого в школе! – предупредил он.

– Конечно, сэр!

– А теперь проваливайте!

Я не чувствовал ладоней и едва сдерживал слезы от мучительной боли. Но, разумеется, мы не перестали и занимались этим снова... и снова...

Возможно, вам покажется странным, но мы не считали себя геями. Просто друзья, которые веселятся, ну и протягивают друг другу руку помощи. Друзья мои были нормальной ориентации: потом они стали отцами, а сейчас, уверен, уже внуков нянчат.

Но это они. А я был другим.

Если бы я заподозрил это в десять лет, к началу подросткового возраста я точно бы знал, что я – гей. Мальчики мне нравились больше, чем девочки: все было просто. И, осознав это, я даже не ужаснулся: мне казалось это естественным и абсолютно нормальным. Но инстинктивно я знал, что говорить об этом не стоит.

Да и потом, что я мог знать о геях? В начале 1960-х Уолсолл не располагал такой информацией! Я был сбитым с толку пареньком, ничего не знавшим об этом запретном мире, но меня туда тянуло. Однако время от времени я догадывался.

Семейные праздники проходили дешево и сердито – больше никакой заграницы не было, – но мы не жаловались.

Больше всего мне нравился Блэкпул. На пляже было ужасно холодно, и казалось, что море – в полутора километрах от тебя. Я бежал по песку, плескался в волнах, а затем мчался по пляжу, и мама закутывала меня в полотенце, чтобы я не переохладился. Однажды возле железной дороги в городе Рил, что в Северном Уэльсе, мы арендовали старый домик на колесах. И каждый раз, когда проходил поезд, трейлер трясло.

Когда мы взяли курс на запад, в Девон, мне было лет тринадцать. Мы жили в прибрежном трейлере, и однажды после обеда я от нечего делать забрел в магазин на территории лагеря.

Я увидел роман с двумя мужчинами на обложке, взял книгу и пролистал несколько страниц. Сразу же стало интересно. В книге было несколько эротических сцен с геями, и я ее купил, спрятал под футболкой и отнес в трейлер.

Все оставшиеся каникулы я при любой возможности читал эту книгу. Проносил ее в туалет на территории лагеря. В сексуальном плане она меня не возбуждала, но я нашел несколько объяснений тому, чего раньше не понимал: «Аааа, так вот чем занимаются геи!» Это был своего рода учебник, закрывавший брешь в моих знаниях.

Когда настало время возвращаться домой, я ждал, пока отец загрузит все наши вещи в багажник, и, когда он отвернулся, я протолкнул книгу в самую глубь. Я не хотел, чтобы кто-нибудь ее нашел – а уж тем более отец! Как ни странно, несмотря на то что я так усердно спрятал книгу, по приезде домой совершенно про нее забыл. Из Девона в Уолсолл ехать долго, поэтому предки разгрузили вещи лишь на следующий день. Когда я увидел, меня словно молнией шарахнуло: «Твою же мать! Книга!»

«Может, не найдут?» – пытался я себя убедить. Черта с два... Я сидел в гостиной и смотрел телик, как вдруг влетел отец. Швырнул в меня книгу и грозно спросил:

– Это еще что такое?

– Что?

– Не прикидывайся! Книга!

– Просто книга.

– Серьезно? А ты хоть знаешь, о чем она?

– Да, – ответил я.

Отец сверлил меня взглядом: «Но сам ведь ты не такой?»

Полагаю, я много чего мог ответить. Мог сказать: «Мне было любопытно, пап! Просто забавы ради!» Это даже была бы правда – как бы. Но я этого не сказал.

«Такой», – ответил я.

И вот в тринадцать лет я признался отцу. Он пристально посмотрел на меня, развернулся и вышел, хлопнув дверью.

Больше он не поднимал эту тему – во всяком случае, в разговоре со мной. Но книга вызвала в доме небольшую суету. Я знаю, отец рассказал маме, и чуть позже об этом узнала и моя бабушка, Сисси. Когда я ее увидел, она казалась блаженно невозмутимой.

«Да не дрейфь, малыш! – успокоила она меня. – Папа твой тоже через это проходил!»

Чего? Я знал, что папа был симпатичным молодым человеком, и оказалось, что задолго до знакомства с мамой в него втрескался какой-то парень и постоянно дарил ему подарки. По словам бабушки. Дошло ли до близости? Кто знает.

Я был не сильно шокирован тем, что сказала бабушка. Я лишь еще больше недоумевал. Это чувство охватывало меня все сильнее и сильнее.

Как бы там ни было, у папы тоже было тайное чтиво. Однажды я был один дома и без особой причины слонялся по комнате родителей. Я залез к ним в гардероб, подвинул несколько пар обуви... и увидел под ними несколько журналов.

Назывались они «Здоровье и полезный образ жизни», публикации о нудистах, кем мои родители, безусловно, не являлись. «Что они здесь делают? – задался я вопросом. – Наверное, папины. Вряд ли мама такое читает!» Это были не пошлые журналы и не порнография. Скорее, они были довольно, ну... естественными, но фотографии голых парней меня здорово возбудили.

В молодежном клубе Блоксвича я наткнулся на крайне поучительную публикацию. Пошел в сортир и увидел книгу с черно-белыми эротическими картинками – автором был Боб Майзер, который, как теперь я знаю, был прогрессивным американским фотографом-геем.

В 14–15 лет я не имел ни малейшего понятия, кто такой Боб Майзер, но его фотографии меня зачаровывали. В книге было полно снимков накачанных парней, лежавших в стрингах на камнях либо стоявших под фонарным столбом. Пролистав книгу, сидя на толчке, я охренел.

Возникла дилемма: стащить книгу или нет? К черту сомнения! Здесь совесть беспомощна! Я запихнул книгу в штаны, придумал идиотскую отмазку, сказав, что надо делать домашку, и поскорее побежал домой.

Книга оказалась настоящим кладом! В ней было полно постановочных фотоисторий. Один парень в жилете говорил другому: «У меня мотоцикл сломался. Не починишь?» И как только второй парень нагнулся, первый ему сказал: «Эй, а у тебя классная попка!», и стал щупать его задницу.

Фотки в книге Майзера были для меня на вес золота. Я дрочил на них как сумасшедший. Поразительно, сколько раз юноша может вздрочнуть на одну и ту же картинку, пока не надоест. Я спрятал книгу у себя в комнате. Удивительно, что мама ее не нашла, учитывая, что каждый день убиралась.

В том же туалете молодежного клуба в Блоксвиче я обнаружил на полке огромный самотык. Вымыл его в раковине и протасил домой под курткой. Эта штука подарила мне долгие часы непомерного удовольствия. Я прятал его под одеждой в гардеробе. Предки ничего не заподозрили.

По крайней мере, я так думал. Однажды вечером сидел в гостиной и смотрел телик. Отец читал газету Express & Star. И, даже не посмотрев на меня, сказал мне:

«Не хочешь ли ты избавиться от этого предмета, Роб?»

Кровь побежала по венам. Как он узнал? И давно ли знает? Однако, вернувшись в комнату, я не смог заставить себя выкинуть эту штуку. Все равно что руку отрубить! Этот «скелет» так и лежал в шкафу, и больше отец эту тему не

поднимал.

Я был озабоченным подростком, гормоны зашкаливали. Я пытался что-нибудь разыскать, вычитать, но бесполезно. Все было покрыто тайной. А тут после уроков еще и история одна приключилась.

Небольшой местный металлопрокатный завод запустил неформальную программу, согласно которой дети могли раз в неделю после уроков приходить и смотреть, как использовать всякое оборудование вроде токарного станка, тисков и дрели. Полагаю, хотели завлечь молодых ребят и заинтересовать, чтобы те спустя пару лет прошли обучение и работали на заводе.

Даже несмотря на то что мне было совершенно неинтересно работать на заводе – как я уже сказал, сама идея вселяла в меня ужас, – я все же пошел за компанию с парочкой одноклассников. Решил, что это всего на час после школы – хоть чем-нибудь займусь. Лучше, чем дома со скуки умирать.

К сожалению, мы быстро поняли, что мужик, проводивший обучение в небольших мастерских, под фразой «взять их молоденькими» имел в виду совершенно другое. Ему было неинтересно обучать нас нюансам инженерства. Он просто хотел нас полапать.

Этот усатый мужик средних лет показывал нам, как изготавливать садовый совок или кочергу на огне, а потом ходил за нами кругами. Дал мне лист металла с пометкой и просил отшлифовать до линии, а сам клал руку мне на задницу или между ног на брюки.

Он ходил по заводу от одного мальчишки к другому, всех нас трогал, и никто и слова не сказал. Он и сам ни слова не проронил, пока нас лапал. Происходило это каждую неделю... Но мы с друзьями никогда это не обсуждали. Будто ничего и не было.

Я мучился и никак не мог признаться себе в том, что я – гей, и хотя от прикосновений этого мужика я не возбуждался – мне это казалось грязным, омерзительным и противным, – я лишь подумал: «Ну, видимо, так себя геи и ведут? Вот оно как?» Я даже задался вопросом: «И так на всех заводах?»

Как ни странно, мы ходили туда как минимум еще недель шесть. Черт его знает зачем. Мне просто нечем было больше заняться. Затем однажды на неделе, после чересчур навязчивого приставания, по дороге домой я сказал одному из друзей, что меня, честно говоря, это уже порядком достало.

– Меня тоже! – сказал он, выдохнув с облегчением. – Может быть, тогда перестанем ходить?

– Ага, – ответил я.

И на этом все закончилось. Больше мы к этой теме не возвращались.

Мне нравились мальчики, но я и с девочками встречался. Каждые две недели в здании бассейна Блоксвича проходили танцы – дискотек еще не было.

Мне всегда нравились танцы, и после уроков я даже ходил на кружок старомодных танцев, где научился танцевать лансье[12 - Английский бальный танец.] и шотландский кантри-танец – гей-гордонс. Название-то какое! Я к тому времени уже здорово танцевал, и, когда пригласил Анджелу на танцы, выиграл соревнование по твисту. Но я был недоволен наградой – мне подарили дневник с комиксом «Орел» в твердой красной обложке.

Впрочем, после того, что я выкинул в тот вечер, Анджела была расстроена куда сильнее. У диджея рядом со столом лежали листочки бумаги. Мы заказывали песни, отдавали ему список, и он читал. И не знаю, что на меня, придурка, нашло, но я написал следующее:

«Пожалуйста, поставь "These Boots are Made For Walking" Нэнси Синатры и скажи: "Это для Анджелы от Роба. Эти ботинки для ходьбы, а у МЕНЯ есть штучка поинтереснее"».

И о чем я только, черт возьми, думал? Выставил себя каким-то старым грязным извращенцем! Неудивительно, что это свидание с Анджелой было последним...

Приглашать девочек на танцы было удовольствием недешевым, и я решил устроиться на субботнюю подработку. Дед работал в гараже и продавал

автомобили. Во дворе у них стояло двадцать машин, и в течение нескольких месяцев мы со школьным приятелем. Полом приходили к деду на выходных и мыли каждую из этих машин.

Вкалывали мы прилично, но мне было плевать – иногда я даже этого очень ждал, потому что чувствовал себя взрослым. Хозяин давал нам пару фунтов – огромные деньги для середины 1960-х. Но однажды после тяжелого рабочего дня, когда мы едва держались на ногах, он дал нам всего 50 пенсов.

– Это что? – спросил я его в ужасе.

– Ваша деньга.

– 50 пенсов? Нам же всегда два фунта платят!

– Ну, больше придраться ни магу. Либо берите – либо валите.

Мы взяли, но больше не вернулись.

Языкам нас учили так себе, но в моей школе выбрали нескольких учеников, которые изучали французский, и я был одним из них. Мне было интересно. Нравилась учительница, миссис Бэттерсби, и я быстро стал ее самым любознательным и увлеченным учеником.

Мне нравился французский, потому что казался необычным. Я долго работал над тем, чтобы научиться говорить без акцента и избавиться от местного говора. Я хотел говорить: «Ouvrez la fen?tre»[13 - «Уврэ ля фнэтр» – «открыть окно» (фр.).], а не «Oo-vray lah fenetr-ah!». Потому что никто не хочет слышать, как ты коверкаешь красивый французский язык местным говором[14 - Местный диалект называется «ям-ям». Хотя термин уам уам может происходить от уа'м (вы есть), уа / уе – это архаическая форма «вас», и во многих областях уе (произносится как уеа или уа) используется: «Owamyа aer kid? – Ar ah'm owkay ta». Вполне возможно, что в Черной стране больше сохранилась деревенская речь, в отличие от Бирмингема, где постепенно развилась городская речь, а следовательно, диалект гораздо дольше находился под влиянием стандартного английского языка.].

Что я имею в виду? Бирмингемцы высмеивают говор Черной страны (ям-ям): «Эт ты ис Уолсалла, шоль?» – «Агась, аттудав». Для окружающих диалекты Бирмингема и Черной страны звучат одинаково – но они очень сильно различаются.

Вместе с желанием добиться утонченного идеального французского стал развиваться интерес к музыке, театру... и одежде. Школа наша была весьма либеральной, и старшие классы могли не носить форму. Я стал убежденным модником.

Как и любой подросток, я лишь хотел быть крутым и модным. Мне нравилось шататься по Бичдэйлу в замшевых кедах, которые очень легко было запачкать, и, надевая их, я каждый раз боялся, что они износятся или промокнут под дождем.

У меня было зеленое вельветовое пальто, которое я заносил до такой степени, что маме пришлось сделать на локтях заплатки. Также я носил широкий галстук и широкие мешковатые брюки. Благодаря бутику «У Генри», местному неплохому магазинчику одежды, я был тем еще модником.

В таких шмотках было сложно избежать комментариев от местных, и помню, как однажды вечером шел домой с танцев – мне было лет пятнадцать. Захотелось картошки фри, и я остановился возле фургончика с хот-догами у нас в районе. Еще мне нравилась пышная прическа и челка на лбу, как у ребят из группы The Small Faces, и мой прикид привлек внимание парочки гопников, поедавших хот-доги.

«Эй, приятель, пасмари на ся! Адет как педик! – поздоровался со мной один из них на местном диалекте – Ты хто ваще такой? Парень али дефка?»

Я промолчал, но вопрос отложился в голове и в какой-то степени не давал мне потом покоя. К тому времени я уже знал, что я – гей, но когда местные гопники сказали мне, что я выгляжу как баба, меня это насторожило: «Неужели все так думают? Неужели я такой?»

Когда мне исполнилось шестнадцать и я собирался сдавать экзамены, в семье Хэлфордов случилось настоящее потрясение. Безусловно, меня и Сью это удивило, но предки были огорошены не меньше. У нас родился братик –

Найджел.

Найджела, конечно же, не планировали, но когда он родился, было здорово. Классно, что в доме появился малыш, мама с папой были в восторге, а мы с сестрой его обожали. Рождение Найджела казалось чудом.

Несмотря на это, после рождения Найджела мама стала все чаще впадать в депрессию. Настроение резко менялось, и она становилась очень тихой и замкнутой, пока врач не прописал ей транквилизаторы – так я всегда называл антидепрессанты. Это состояние мне было суждено испытать позже, спустя годы.

Но, как и любой подросток, я был поглощен собственной жизнью... и однажды столкнулся со сверхъестественными силами. В Бельгии. Творилась какая-то чертовщина.

Мы с лучшим другом Тони почему-то решили воссоздать школьную поездку на выходных в Остенде. Купили дешевые билеты на автобус и паром и заселились в частную городскую гостиницу. Это было пяти- или шестиэтажное здание, и хозяйка дала нам номер на последнем этаже.

Наши с Тони кровати стояли друг против друга в разных концах номера. И в первую же ночь, как только мы легли спать, моя кровать начала... трястись.

– Роб, ты чего делаешь? – подозрительно спросил Тони в кромешной темноте.

– Ничего! – ответил я, и сердце начало колотиться. – Кровать трясется!

Я выскочил из кровати и включил свет. Она стояла как ни в чем не бывало. Не успел я выключить свет и лечь, как кровать снова начала трястись. Продолжалось это недолго, но спал я той ночью плохо.

На следующий день мы с Тони бродили по Остенде, и я боялся ложиться спать. И правильно делал. Как только мы выключили свет, моя кровать снова начала жутко вибрировать. Она настолько сильно тряслась, что я думал: сейчас свалюсь на пол.

Напоминало жуткую сцену из фильма «Изгоняющий дьявола». Кровать бешено тряслась, и даже картины на стенах начали дребезжать. На этот раз все продолжалось гораздо дольше, и было страшно.

Утром, когда хозяйка разносила завтрак, на ломаном французском, с помощью карманного словаря я пытался ей сказать, что произошло:

«Э, прррастит, мадам! У мена крава... эээ... трррясет!»

Она уставилась на меня и покачала головой «Мне нечего вам сказать!» – гавкнула она и ушла. В общем, вот так... Но я верю, что в тот выходной в Бельгии я впервые столкнулся с чем-то сверхъестественным.

Дома в Уолсолле я всерьез кое-чем увлекся – и надеялся, что, может быть, удастся сделать на этом карьеру.

Я любил смотреть по телику всякие сериалы вроде «Автомобилей Z», «Диксона из Док-Грин», «Святого» и «Мстителей», а также «Пьесу месяца» по Би-би-си. Телевидение, кино и театр привлекали меня, и я всерьез хотел стать актером.

Может, это мое будущее? Школу я уже заканчивал. Усердно готовился к экзаменам и сдал нормально, но идти в старшую школу[15 - Последние два года обучения в британской средней школе (17 и 18 лет).] желанием не горел. Дети из рабочего класса уходили «после девятого», и я хотел уже поскорее выйти «в свет».

Предки не возражали. Они готовы были мне помогать, чем бы я ни решил заниматься. Мама регулярно спрашивала: «Роб, ты счастлив?» Когда я отвечал «да», она говорила: «Ну, раз ты счастлив, то и я счастлива». Приятные слова для ребенка. И вечерами мы с родителями внимательно изучали глянцевые брошюры из бирмингемской школы актерского мастерства, задаваясь вопросом, а туда ли податься после школы.

В брошюрах было полно фоток парней в узких джинсах, поэтому кое-что выпирало, и меня это явно мотивировало еще больше! Однако я решил, что мне может элементарно не доставать опыта актерского мастерства. Я сомневался, что меня возьмут – хватило с меня Короля с короной, впивающейся в череп.

У отца был друг, которому нравилась любительская драматургия, поэтому папа с ним поговорил. Друг сказал, что играет в художественных произведениях в местном театре «Усадьба» и они всегда искали новые таланты: «Скажи Робу, пусть приходит! Ему понравится!»

«О'кей, схожу и посмотрю, что там», – сказал я, надевая замшевые ботинки, зеленое вельветовое пальто и широкий галстук.

Я посмотрел... и мне реально понравилось. Меня сняли в «кухонной» драме[16 - Драматургия кухонной мойки – термин, описывающий движение в культуре Великобритании, которое существовало в конце 1950-х – середине 1960-х годов в театре, литературе, кинематографе и на телевидении этой страны. Его последователи характеризуются использованием стилистики социального реализма и углубленным рассмотрением внутренних проблем рабочего класса Великобритании, набирающего в этот период свое общественно-политическое влияние. Термин «кухонная мойка» относительно произведения искусства впервые был использован в 1954 году в названии статьи критика Дэвида Сильвестра, посвященной работам английского художника Джона Бретби. Тот в своем творчестве действительно часто использовал в качестве отображаемых объектов кухонные интерьеры и предметы повседневного быта. С 1955 года этот термин стал применяться к телевизионным постановкам в прямом эфире (как в Великобритании, так и в США), посвященным жизни и быту рядовых граждан страны.], где я играл молодого парня из неблагополучной семьи. Остальные актеры в основном были старше меня, но меня приняли очень хорошо. Приятель отца здорово помог и всячески воодушевлял.

Мне нравилось раз в неделю ходить вечером на репетиции, и я без труда учил роль. Когда в начале спектакля поднимался занавес, я был единственным на сцене, сидел впереди и чистил свои ботинки. Режиссер сказал, что хочет, чтобы, начищая до блеска ботинки, я пел песенку из рекламы.

– Какой еще рекламы? – спросил я.

– Да без разницы, – ответил он. – Любой. Сам выбери.

Мне сразу же вспомнилась реклама зубной пасты «Пепсодент». Там была короткая веселая песенка, которую потом хочется напевать, поэтому ее я и спел:

Желтизне скажи ты «нет»,

Чистя пастой «Пепсодент».

Спектакль длился неделю, и газета Express & Star отправила к нам критика. В своей рецензии он написал про меня: «Роберт Хэлфорд находчив и старателен... Запомните этого паренька!» Мне было очень приятно, и я решительно настроился перестать подтирать зад местной газетенкой в бабушкином сортире.

Я хотел больше сниматься, поэтому был в восторге, когда приятель отца снова со мной связался. Он знал тех, кто работает в Большом театре Вулверхемптона, престижном театре в Мидлендсе[17 - Территория Англии, охватывающая ее центральную часть вокруг города Бирмингем.]. Они собирались приехать в Уолсолл и выпить, и он спросил меня, хочу ли я составить им компанию, а он заодно меня со всеми бы познакомил.

Еще бы! Конечно, хочу! Он сказал, где они собираются... В пабе рядом с домом моих бабушки и дедушки. И я договорился, что после встречи останусь ночевать у них, чтобы не ковылять пьяному домой.

Через пару дней после ужина приятель отца забрал меня с Келвин-роуд. Сначала отвез на склад театральных костюмов, куда у него так или иначе был доступ. Это было настоящее секретное место, и я глазам не мог поверить, видя такое количество потрясающих средневековых реликвий и одежды того времени. К хорошим костюмам я всегда питал слабость.

Затем мы пошли в паб. Работники театра были дружелюбными, немного помпезными и осушали стакан одним глотком. Приятель отца заказал мне ром с черной смородиной. Довольно много рома.

Прежде я почти не пил. Бабушка могла налить бокал шанди, или я мог глотнуть у нее «Снежка»[18 - «Снежок» достаточно безопасен, напоминает молочный коктейль, и его вполне можно предложить несовершеннолетним. В составе напитка – яичный ликер «Адвокат» и лимонад.] на Рождество. Но это был уже настоящий алкоголь – ром! с театрами! – и мне такое было явно не по зубам. Не хотелось отбиваться от коллектива, поэтому я продолжал пить. Но вскоре конкретно нарезался.

К концу вечера начались «вертолеты». «У меня отличная идея! А пойдём ко мне!» – предложил папин друг. Я был готов на все, и не успел опомниться, как оказался у него в квартире.

Он, видимо, налил мне еще. Не помню. Он говорил о театре, а фоном работал телик. А я лишь пытался сосредоточиться. И вдруг свет погас, и этот тип подсел прямо ко мне.

О театре он больше не говорил. В ход пустил руки. Трогал меня везде – руки, грудь и полез в промежность. Он действовал, не проронив ни слова: в полной тишине. Я сразу же вспомнил завод – только на этот раз все зашло еще дальше.

Я ничего не мог поделать. Парень знал, чего хочет, и останавливаться не собирался. Он расстегнул молнию мне на брюках, достал член, нагнулся и взял в рот. Я сидел не двигаясь, пьяный, инертный и не проронив ни слова, и мне впервые делали минет.

Что это?

Что происходит?

Что я делаю?

Можно ли это прекратить?

Но я ничего... не сделал. Понятия не имею, как долго это продолжалось, но, закончив, приятель отца встал, не сказав ни слова, и вышел из комнаты. Я вспомнил, что нахожусь недалеко от дома бабушки, нашел свое пальто, вышел на улицу и, сбитый с толку, поковылял во мраке ночи.

Я не знал, как на это реагировать. Честно говоря, даже не понимал, что произошло. Лежал в гостевой комнате у бабушки и чувствовал себя крайне странно, а затем отключился. Утром испытал первое в жизни похмелье, и меня одолевали разные мысли: «ЭТИМ занимаются геи? Так себя ведут? Или все театралы такие? Я получил роль через постель?»

Теперь-то, разумеется, я знаю, что парень был настоящим сексуальным хищником; педофилом. Он увидел, что я совсем юноша, понял, что я уязвим, и воспользовался моей беспомощностью – и мной. Но тогда я ничего не понимал. И считал, что виноват сам.

Позже тем же днем я вернулся на Келвин-роуд, и папа спросил, как прошел вечер.

– Отлично, – промямлил я.

– Мой приятель за тобой присмотрел?

– Да, – ответил я. – Да, присмотрел.

Отцу я так ничего и не сказал. Он бы со стыда сгорел. И я бы не стал рассказывать об этом в своих мемуарах, если бы папа был жив.

Нет худа без добра. Сложно оправдать сексуальное домогательство, но тем вечером я спасовал. Спустя несколько дней со мной связался еще один театрал из того же паба. Появилась возможность устроиться помощником режиссера в Большом театре Вулверхемптона – было ли мне это интересно?

Было. Я поехал на интервью с менеджером театра, и меня взяли – мы сразу же начали работать. За ближайшее будущее можно было не беспокоиться...

Именно этого я и хотел. Попасть в театр.

3. Крепкий эль и снотворное

Первая настоящая работа – большое событие, обряд посвящения, и именно так я себя и чувствовал, когда в шестнадцать лет устроился в Большой театр Вулверхемптона. И хоть я сходил с ума по актерскому искусству и театру, мало что в этом понимал и не знал, чего ожидать.

Но, как говорят в Уолсолле, было отпадно. Работа мне нравилась.

Меня взяли помощником-стажером-электриком-мальчиком-на-побегушках, и я прислуживал режиссеру-постановщику. Первые несколько недель подносил чай, подметал сцену, выполнял поручения и пытался привыкнуть к крутым переменам в жизни.

Больше не было никакой утренней беготни мимо местного завода. Теперь я садился в автобус до Вулверхемптона, чтобы к полудню добраться до театра, работал весь день и на вечерних представлениях, затем садился на последний автобус до Уолсолла и около полуночи приезжал домой.

Мне такой график подходил (я стал полуночником и живу так по сей день). Сын постановщика был светотехником, и они оба взяли меня под свое крыло. Я быстро начал въезжать в работу, и в течение нескольких месяцев уже отвечал за освещение на шоу.

Почти в каждом театре осветительное оборудование стоит перед сценой, но в Большом театре оно стояло по краям сцены. Работать было сложнее, но вскоре я приновился и месяцами, очарованный, наслаждался буквально в полуметре от себя потрясающими представлениями. Я отвечал за свет везде: в театре-варьете, репертуарном театре, балете, опере Ричарда Карта Д'Ойли «Орфей в подземном царстве». Мимо меня актеры бегали за кулисы и на сцену или ждали команды «войти» в спектакль, а я находился в самой гуще.

Мне нравилось быть как можно ближе к звездам с телика. В Большой театр приходил известный комик Томми Триндер. Я много раз видел его в передаче «Субботний вечер в лондонском Палладиуме», и мне нравилась его коронная фраза: «Вы счастливичики!».

Спонсором множества шоу были сигареты Woodbine, и всем пришедшим давали бесплатные мини-пачки с пятью сигаретами. Каждый вечер две тысячи пришедших дымили как паровозы, ожидая начала спектакля. Когда я нажимал на кнопку, занавес поднимался, а из зала на сцену плыл сигаретный дым.

Немудрено, что я и сам начал курить – но, поскольку был немного снобом, предпочитал сигареты Benson & Hedges. Я почему-то считал, что они солиднее. Вот кретин!

Я мастерски научился управлять светом. А еще довольно быстро научился пить.

В театре было правило: «Сделал дело – гуляй смело». Через десять минут после окончания шоу весь персонал собирался в баре театра. И мы заливали в себя сколько могли, и довольно быстро, а потом я, шатаюсь, плелся на остановку, чтобы уехать на последнем автобусе в Уолсолл.

Автобусы мне наскучили, поэтому я накопил и взял в рассрочку мопед «Хонда 50». Это мне не мешало все так же напиваться после шоу, а после полуночи, виляя, ехать по шоссе A41 домой. Поразительно, что я вообще умудрялся добираться целым и невредимым. Выпить я любил, и, как только мне исполнилось восемнадцать, я мог пить легально. Не стал нарушать британскую традицию и по молодости нажирался в хлам. По вечерам, когда не было работы, я шел в оживленный местный кабак «Гадкий утенок».

Прикладывался я регулярно... хотя с самого начала не пил в компании. У меня была цель. Я пил, чтобы нажраться. И понял, что лучший способ забыться – это выпить ячменное вино[19 - Крепкое английское пиво, разновидность крепкого эля от коричнево-золотистого до черного цвета с содержанием алкоголя 8–12 %], поэтому опрокидывал пару бокалов, а потом догонялся таблетками – нитразепамом.

Нитразепам – это сильное снотворное, помогающее снять чувство тревоги. Выпивая бокал-другой, я закусывал таблеткой, и наступало ощущение теплоты и забытья. В «Гадком утенке» всегда была парочка каких-нибудь скользких типов, которые ошивались без дела:

– Эй, приятель. Нитразепам имеется?

– Эммм... Закажь нам эль, и дам те таблетку!

Я напивался до беспамятства. Утром просыпался и чувствовал себя полумертвым, но к обеду похмелье проходило, и я был готов снова зажигать. Как и любой подросток, я невероятным образом быстро приходил в себя.

Сью окончила школу и училась на парикмахера. Она купила себе зеленый «Остин 100». Это была ее гордость и отрада. Она подбрасывала меня до «Утенка»,

поскольку встречалась с одним из местных пьяниц – милым парнем, которого из-за пышной шевелюры все звали Львом Брайаном.

Глядя на Сью, я и сам попробовал научиться водить. У Брайана был «Мини Купер», и однажды в воскресенье после обеда он сказал, что даст мне прокатиться. Отвез на тихую безлюдную улицу недалеко от дома моей бабушки и посадил за руль.

«Выжимай сцепление и очень медленно нажимай на педаль газа, отпуская сцепление», – сказал он.

Я неуклюже вдавил педаль газа в пол, слишком быстро отпустил сцепление, и мы рванули с места, как ебаная ракета. Мчались по дороге, совершенно потеряв управление, – проехали метров 50, влетели в припаркованную слева машину и, для пущей верности, врезались еще и в машину, припаркованную справа.

«СТОЙ! СТОЙ! СТОЙ!» – заревел Лев Брайан. Я дал по тормозам и выпрыгнул из машины. Брайан успел сесть на мое место, я залетел в машину, и мы помчали по дороге. Оглянувшись, я увидел, как жильцы выходят из домов посмотреть, какого черта происходит.

«Дружище, мне так жаль!» – сказал я Брайану, когда мы отъехали на безопасное расстояние от тех машин и свернули на обочину. Морда тачки была разбита, и я умолял его дать мне возместить ущерб, но он и слышать не желал. После этого случая я не садился за руль пятнадцать лет.

Большой театр открыл мне глаза на различные великие драмы и театральные представления, но, когда подростковый возраст подходил к концу, я увлёкся другой формой искусства. Не на шутку подсел на музыку.

Мне нравилась передача «Музыкальные жюри», где чересчур пафосный Дэвид Джейкобс крутил пластинки для команды жюри, а те выставляли оценки. Среди оценивающих была девочка-подросток из Веднсбери, жила неподалеку от нас – звали ее Дженис Николс. Если ей нравилась песня, она всегда говорила: «О, ставлю пять балаф!» Я впервые услышал местный говор на национальном телевидении.

Каждую неделю я обязательно смотрел хит-парад Top of the Pops («Вершина популярности»), и мне нравились группы вроде Freddie and the Dreamers, Клифф Ричард и The Shadows, а еще The Tremeloes. Я покупал синглы в местном магазинчике или в пафосном музыкальном магазине «У Тейлора», где на витрине стоял рояль.

Но настоящая любовь к музыке у меня, как и у многих, началась с «Битлз».

Мне нравились их первые синглы, но конкретно я на них подсел после пластинки Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band и «Белого альбома». Он вгонял меня в транс. Это был просто космос. Я неделями его слушал, анализировал тексты и завешивал стены комнаты коллажем из фоток, которые шли вместе с альбомом.

Моя каморка преобразилась до неузнаваемости. Я покрасил стены в темно-багровый, снял дверь с петель, повесив вместо нее яркую оранжевую занавеску. Эта была дерзкая юношеская попытка выглядеть круто, но мама не оценила:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

G. & R. Thomas Ltd. (Джордж и Ричард Томас – владельцы завода). Здесь и далее – прим. пер.

2

Район Центральной Англии (Уэст-Мидлендс), расположенный между городами Вулверхемптон и Бирмингем. В XIX веке это была область концентрации горнодобывающей и металлургической промышленности. Черная страна обязана своим названием загрязнению воздуха, которое покрыло всю область слоем черной сажи. Но после упадка пейзаж, сформировавшийся в результате промышленной революции, исчез.

3

Уолсолл – город в Великобритании, расположенный к северо-востоку от Бирмингема и к востоку от Вулверхемптона.

4

Первоначальное название – Джипси-Лейн Эстейт. Район жилой застройки, заселенный преимущественно в 1950-е и 1960-е годы.

5

Большинство британцев пишут «Mum», но мы с сестрой всегда писали «Mom», потому что именно так и произносили. И каждый раз на День матери в Уолсолле было чертовски сложно найти открытки, где слово «мама» было написано именно так. – Прим. авт.

6

Район в городе Глазго, Шотландия, на южном берегу реки Клайд. К концу XIX века он стал густонаселенным, сельские мигранты и иммигранты были привлечены новыми отраслями промышленности и возможностями трудоустройства в Глазго. Считался опасным.

7

Для всех американских геев: да, в Англии действительно есть такое блюдо из фрикаделек – педики с горохом! – Прим. авт.

8

Паб назван в честь знаменитого сына Уолсолла, Джерома К. Джерома, автора сатирической повести «Трое в лодке, не считая собаки». – Прим. авт.

9

Экзамен «11+», «Одиннадцать плюс» – экзамен, сдаваемый некоторыми учениками в Англии и Северной Ирландии по окончании начальной школы, который позволяет выбрать учреждение для продолжения образования. Название испытания связано с возрастной группой детей, которые его сдают, – 11-12 лет.

10

В Великобритании – средняя школа, окончание которой дает право на поступление в университет.

11

Система классификации книг, разработанная в XIX веке американским библиотекарем Мелвиллом Дьюи.

12

Английский бальный танец.

13

«Уврэ ля фнэтр» – «открыть окно» (фр.).

14

Местный диалект называется «ям-ям». Хотя термин уам уам может происходить от уа'м (вы есть), уа / уе – это архаическая форма «вас», и во многих областях уе (произносится как уеа или уа) используется: «Owamy aer kid? – Ar ah'm owkay ta». Вполне возможно, что в Черной стране больше сохранилась деревенская речь, в отличие от Бирмингема, где постепенно развилась городская речь, а следовательно, диалект гораздо дольше находился под влиянием стандартного английского языка.

15

Последние два года обучения в британской средней школе (17 и 18 лет).

16

Драматургия кухонной мойки – термин, описывающий движение в культуре Великобритании, которое существовало в конце 1950-х – середине 1960-х годов в театре, литературе, кинематографе и на телевидении этой страны. Его последователи характеризуются использованием стилистики социального реализма и углубленным рассмотрением внутренних проблем рабочего класса Великобритании, набирающего в этот период свое общественно-политическое влияние. Термин «кухонная мойка» относительно произведения искусства впервые был использован в 1954 году в названии статьи критика Дэвида Сильвестра, посвященной работам английского художника Джона Бретби. Тот в своем творчестве действительно часто использовал в качестве отображаемых объектов кухонные интерьеры и предметы повседневного быта. С 1955 года этот термин стал применяться к телевизионным постановкам в прямом эфире (как в Великобритании, так и в США), посвященным жизни и быту рядовых граждан страны.

17

Территория Англии, охватывающая ее центральную часть вокруг города Бирмингем.

18

«Снежок» достаточно безопасен, напоминает молочный коктейль, и его вполне можно предложить несовершеннолетним. В составе напитка – яичный ликер «Адвокат» и лимонад.

Крепкое английское пиво, разновидность крепкого эля от коричнево-золотистого до черного цвета с содержанием алкоголя 8–12 %.

Купить: https://tellnovel.com/helford_rob/moya-ispoved-neveroyatnaya-istoriya-rok-legendy-iz-judas-priest

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)